

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Образ Африки: расизм в повести
Джозефа Конрада «Сердце тьмы»

Цель: ознакомиться с предложенной Чинуа Ачебе интерпретацией повести «Сердце тьмы» Джозефа Конрада и примерами проявления в художественном тексте расизма автора.

Ключевые слова: расизм, повесть, Джозеф Конрад, Африка, Конго, африканское искусство.

В данной лекции мы ознакомимся с исследованием нигерийского писателя Чинуа Ачебе, посвященным анализу проявлений расизма в повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

В середине 20 века колонизированные народы Африки, Азии и Европы восстали против своих колониальных угнетателей и добились независимости. Это обстоятельство привело к пересмотру культуры, которая помогала сохранять колониализм. Повесть «Сердце тьмы» Джозефа Конрада преподавали в качестве примера заслуживающей внимания художественной формы, и никто, казалось, не заметил, что это был чрезвычайно расистский и довольно реакционный текст. Конрад – реакционный монархист, как отмечают Джулия Ривкин и Майкл Райан, который вполне мог позволить себе изображать африканцев как не-человеческих животных, он критиковал слабовольный колониализм, проигрывавший в сравнении с идеалом более мужественного и истинного империализма. Нигерийский писатель Чинуа Ачебе был воспитан во время колониального правления и испытал жестокое обращение с коренными африканцами под имперским правлением. Поэтому его мнение о творчестве Конрада отлично от оценки тех, кто считает повествование английского прозаика ироничным.

Африка, завернутая в фольгу

Чинуа Ачебе вспоминает встречу, произошедшую одним прекрасным осенним утром. По дороге на работу он разговорился со стариком. Узнав, что Ачебе преподает африканскую литературу, тот был немало удивлен, потому что никогда не думал о том, что в Африке есть подобные вещи.

Несколько недель спустя Ачебе получил два трогательных письма из штата Нью-Йорк от школьников, которые прочитали его книгу «Распад» по рекомендации своего учителя. Один из них был рад узнать об обычаях и суевериях африканского племени.

Ачебе говорит, что на первый взгляд эти два события могут показаться совершенно разными и не имеющими ничего общего, но это только на первый взгляд.

Молодой парень из США, возможно, из-за своего возраста или других причин, очевидно, не осознавал, что жизнь его земляков полна странных обычаев и суеверий и, считал, что ему необходима поездка в Африку, чтобы столкнуться с подобными явлениями.

Для любого другого человека, ровесника Ачебе, возраст уже не может служить оправданием. Невежество, конечно, может быть более вероятной причиной незнания, но Ачебе подозревает, что причиной тому – нечто более преднамеренное, умышленное, чем просто отсутствие информации. Ибо разве не один из самых эрудированных британских историков и королевский профессор в Оксфорде Хью Тревор-Роупер несколько лет назад заявил, что африканской истории не существует?

Есть ли в этих высказываниях нечто большее, чем просто небогатый юношеский опыт, нечто больше, чем отсутствие фактических знаний? Это желание – даже необходимость – для западной психологии держать Африку словно завернутой в фольгу, некое место отрицаний, нечто далекое и смутно знакомое, в сравнении с которой будет выгодно проявляться собственная духовная привлекательность стран Европы.

Ачебе счел необходимым ответить на этот вопрос как писатель анализом известной книги – «Сердце тьмы» Джозефа Конрада, которая лучше, чем любая другая работа из известных ему, показывает западное желание и потребность сохранять Африку «завернутой в фольгу».

«Сердце тьмы», отмечает Ачебе, олицетворяет образ Африки как «другого мира», противоположности Европы и, следовательно, цивилизации.

Два мира

Книга начинается с упоминания Темзы: «Старая широкая река, не тронутая рябью, покоилась на склоне дня после многих веков верной службы людям, населявшим ее берега; она раскинулась невозмутимая и величественная, словно водный путь, ведущий к самым отдаленным уголкам земли». Но фактическая история происходит на реке Конго, в изображении автора выступающей полной противоположностью английской реке. Конго определенно не является достойной рекой, она не служит народу и не получает благодарных воспоминаний по старости. Конрад пишет, что «восхождение на эту реку было похоже на возвращение в самое раннее начало мира».

Ачебе указывает, что описание африканской атмосферы составляет не более чем постоянное, тяжелое, фальшиво-ритуальное повторение двух предложений, одно о тишине и другое – о безумии. Конечно, время от времени происходит разумная смена прилагательных, так что вместо «непостижимого», например, может появиться «невыразимый» и так далее.

Эта настойчивость Конрада не должна быть просто отвергнута, как только стилистический недостаток (как это обычно делали многие критики Конрада). Поскольку это поднимает серьезные вопросы добросовестности художника. Когда писатель, притворяясь, что описывает сцены, на самом деле перегружает и гипнотизирует читателя эмоциональными, оценочными словами и другими уловками, на карту должно быть поставлено гораздо больше, чем стилистическая меткость. Как правило, читатели легко обнаруживают и умеют противостоять таким скрытым формам воздействия. Но Конрад отлично понимал, что его манера подачи материала не вступит в противоречие с психологической предрасположенностью его читателей. Он выбрал роль поставщика успокоительных мифов.

Однако наиболее поучительные отрывки из «Сердца тьмы» – о людях. Ачебе цитирует длинный отрывок из середины повествования, изображающий встречу представителей Европы с жителями Африки: «иногда за поворотом реки под тяжелой неподвижной листвой открывался вид на тростниковые стены и острые крыши из травы, слышались крики, топот, раскачивались черные тела, сверкали белки глаз, хлопали в ладоши черные руки. Пароход медленно продвигался мимо этих безумствующих и загадочных черных людей».

Земля казалась не похожей на землю. Мы привыкли смотреть на скованное цепями, побежденное чудовище, но здесь, здесь вы видели существо чудовищное и свободное. Они выли, прыгали, корчили страшные гримасы; но в трепет приводила вас мысль о том, что они – такие же люди, как вы, – мысль об отдаленном вашем родстве с этими дикими и страстными существами. Ужасно? Да, это было ужасно».

Показав нам Африку в целом, Конрад затем приводит конкретный пример, давая нам одно из редких описаний африканца, у которого есть не только черные конечности или закатывающиеся глаза: «А в промежутках мне приходилось следить за дикарем, исполнявшим обязанности кочегара. Это был усовершенствованный экземпляр: он умел растапливать котел. Смотреть на него было так же поучительно, как на разгуливающую на задних лапах собаку в штанах и шляпе с пером. Понадобилось всего несколько месяцев, чтобы обучить этого славного парня. Он косил глаза на манометр и водомер, всеми силами стараясь проявить свою неустрашимость, а ведь бедняга все еще носил на шее ожерелье из зубов; курчавые волосы его были выбриты так, что череп был как бы расписан узорами, и на каждой щеке красовалось по три шрама. Ему бы следовало хлопать в ладоши и плясать на берегу, а вместо этого он работал – раб, покорившийся странному волшебству и набравшийся спасительных знаний».

К концу повествования автор довольно неожиданно обратил внимание на африканскую женщину, которая, очевидно, была любовницей погибшего господина Курца: «И только величественная дикарка не шевельнулась и трагически простерла к мрачной и сверкающей реке свои обнаженные руки».

По двум причинам, эта Амазонка описана в деталях, хотя и вполне предсказуемых. Во-первых, она на своем месте и поэтому может получить особенное одобрение Конрада; во-вторых, она выполняет структурные требования к истории: она дикая копия изысканной, европейской женщины, которой эта история и завершится: «В сумеречном свете она шла ко мне вся в черном, с бледным лицом. Она была в трауре. Больше года прошло с тех пор, как он умер, больше года с

тех пор, как она получила известие. Казалось, она будет помнить и оплакивать вечно. Она взяла обе мои руки в свои и прошептала: «Я слышала, что вы приехали». Она созрела для верности, страдания и веры».

Разница в подходе прозаика к описаниям этих двух женщин имеет слишком много прямых и скрытых подтекстов, которые нуждаются в дальнейшей проработке. Но, возможно, наиболее значительная разница проявляется в том, как описываются их переживания одного и того же чувства потери. Явно целью Конрада не было, считает Ачебе, передать средствами языка «зачаточное состояние души» жителя Африки. Они, аборигены, только «обменялись короткими хриплыми фразочками» между собой, но главным образом они были слишком заняты своим безумством.

Авторская позиция

Конечно, можно было бы утверждать, что взгляд на африканца в «Сердце тьмы» принадлежит не Конраду, но его вымышленному рассказчику, Марлоу, и что сам Конрад не одобряет его.

Безусловно, первым рассказчиком является Марлоу, но его рассказ передается нам через восприятие второго человека, того, кто слушает воспоминания повествователя. И если допустить, что Конрад пытался отмежеваться от моральной и психологической неполноценности своего рассказчика, то его усилия кажутся неубедительными, т.к. он забывает намекнуть, тонко или нарочито, на альтернативные оценки и взгляд, по которым читатель может судить о поступках персонажей. Конечно, внести в текст романа подобные трактовки было вполне в силах Конрада, если бы он действительно посчитал это необходимым. Именно это обстоятельство позволяет сделать вывод о сходстве взглядов автора и его героя.

Марлоу, безусловно, знакомы передовые и гуманные взгляды, соответствующие английской либеральной традиции, которая требует, чтобы все англичане ради приличия были глубоко потрясены зверствами бельгийского короля Леопольда в Болгарии или Конго. Ачебе приводит его размышления об ужасной участи людей: «Они умирали медленной смертью, это было ясно. Они не были врагами, не были преступниками, теперь в них не было ничего земного, – остались лишь черные тени болезни и голода, лежащие в зеленоватом сумраке. Их доставляли со всего побережья, соблюдая все оговоренные контрактом условия; в незнакомой обстановке, получая непривычную для них пищу, они заболели, теряли работоспособность, и тогда им позволяли уползть прочь».

Вид либерализма, который исповедует здесь Марлоу/Конрад, затронул лучшие умы в Англии, Европе и Америке. Но почти всегда оставался в стороне главный вопрос – вопрос равенства между белыми и черными людьми.

Суть наблюдений Ачебе заключается в том, что Конрад был расистом. Умышленное умалчивание этого факта в критике произведений Конрада – это свидетельство того, что белый расизм по отношению к Африке воспринимается как «нормальное» явление, и поэтому вполне может пройти незамеченным. Студенты, изучающие «Сердце тьмы», отмечает Ачебе, будут часто говорить, что Конрад заинтересовался не столько Африкой, сколько её тлетворным влиянием на европейский ум, вызванным одиночеством и болезнью.

И это, уверен Ачебе, правдиво лишь наполовину: Африка в повествовании служит неким задним фоном, который исключают африканский народ как человеческий фактор. Африка становится метафизическим полем битвы, в которое вступает блуждающий европеец на свой собственный страх и риск.

Ачебе удручен существованием нелепого и извращенного вида высокомерия, низводящего Африку до роли реквизита, который разрушает европейский ум. Но даже не это главное. По-настоящему важная проблема, настаивает ученый, заключается в дегуманизации Африки и африканцев, и этого многовекового подхода придерживались и продолжают придерживаться в современном мире.

И принципиальный вопрос состоит в том, можно ли повесть, которая восхваляет эту дегуманизацию, которая обезличивает часть человеческого рода, называть значительным

произведением искусства, классикой? Ответ Ачебе однозначен: нет, нельзя. Он отказывается называть автора подобного произведения художником, если он сочиняет красноречивые подстрекательства, чтобы один народ напал на другой и уничтожил его. Независимо от того, насколько совершенны созданные им образы или насколько прекрасны его тексты, такой художник подобен врачу, который отравляет своих пациентов.

Настало время, считает Ачебе, пересмотреть, подвергнуть критическому взгляду произведения художников, которые применяют свои таланты, часто значительные, как в случае с Конрадом, для того, чтобы настраивать одних людей против других. Евтушенко говорил, что поэт не может быть работником и приводит в пример Артюра Рембо, который был честен и отказался от создания стихов, когда выбрал своим занятием работником. Ведь высокая поэзия, уверен Ачебе, безусловно, может быть только на стороне освобождения человека, а не его порабощения; поэзия должна выступать за единство всего человечества.

Ачебе напоминает, что Конрад родился в тот самый 1857 год, когда первые англиканские миссионеры прибыли в Нигерию. Он не был виноват в том, что он прожил свою жизнь в то время, когда репутация черного человека была на особенно низком уровне.

Однако это не оправдывает явную антипатию Конрада к чернокожим людям, которая может быть объяснена его психологией. Порой, указывает Ачебе, он заикливался на «черном цвете». Например, интересно одно его краткое описание: «Черная фигура встала, размахивая длинными черными руками, длинные черные ноги размашисто зашагали». Как будто можно было ожидать, иронизирует Ачебе, что черная фигура будет шагать черными ногами, но размахивать белыми руками.

Ачебе приводит описание Конрада его встречи первого англичанина в Европе из «Личных записей»: «(его) икры, выставленные публичному взгляду, ослепили зрителя великолепием своего мраморного состояния и их богатого тона молодой слоновой кости. Свет озарял его лицо и торжествующие глаза, дружественный блеск его улыбки показал его большие, здоровые, блестящие зубы, его белые икры мерцали».

Неразумная любовь и неразумная ненависть, подчеркивает Ачебе, ютятся в сердце этого истерзанного человека – Конрада. Но в то время как неразумная любовь может в худшем случае породить глупую неосмотрительность, неразумная ненависть может поставить под угрозу жизнь человеческого сообщества.

Почему эта оскорбительная и очень печальная книга, недоумевает Ачебе, до сих пор является серьезным объектом исследования и входит в «полудюжину самых важных из коротких романов на английском языке», и почему сегодня это, пожалуй, самый распространенный роман в курсах литературы XX века?

При этом Ачебе подчеркивает, что речь идет о книге, которая демонстрирует самые вульгарные предрассудки и оскорбления, из-за которых одна часть человечества страдала от неслыханных зверств в прошлом и продолжает терпеть такое отношение даже сегодня. Ачебе говорит о повествовании, в котором сама «человеческая природа» чернокожих людей подвергается сомнению. Он считает совершенно недопустимым, что великое искусство или даже просто искусство могут находиться под таким нездоровым влиянием.

Конрад был в Конго в 1890 году и записал все, что увидел, когда отец Ачебе был еще младенцем. Ачебе размышляет, может ли он в 1975 году, через пятьдесят лет после смерти писателя, опровергнуть его наблюдения?

И Ачебе дает ответ: «Как здравомыслящий человек я не буду принимать на веру описания путешественника исключительно на том основании, что я сам не совершил такое же путешествие. Я не верю доказательствам, представленным таким человеком, как Конрад».

Более важным, отмечает Ачебе, является обширное свидетельство о дикарях Конрада, которые, по его словам, не имели никаких занятий и обязанностей, кроме как преследовать унылую группу Марлоу, сливаясь со «злым лесом» (специфичное определение Конрада, тут важен эпитет, не просто отрицательный, а враждебный, требующий защиты, противостояния) и появляясь ниоткуда.

Отступление

Вскоре после того, как Конрад написал свою книгу, в мире искусства Европы произошло событие, гораздо более значительное. Ачебе цитирует британского историка Франка Уиллетта: «Гоген отправился на Таити, когда европейские художники жаждали новых художественных впечатлений, и около 1904-1905 годов африканское искусство оказало на них невероятное влияние – это маска, подаренная Вламинку в 1905 году. Он записал, что Дерен был «безмолвен» и «ошеломлен», когда впервые увидел ее, он выкупил ее у Вламинка и, в свою очередь, показал ее Пикассо и Матиссу, которых она также сильно заинтриговала. Амбруаз Воллар затем одолжил ее и вылил из бронзы похожую. Революция искусства XX века шла полным ходом!».

Маска, о которой идет речь, была изготовлена дикарями, жившими к северу от реки Конго. Этот народ называется «Фанг» и, без сомнения, является одним из величайших в мире мастеров скульптурной формы. Событие, о котором упоминает Фрэнк Уиллетт, ознаменовало начало кубизма и вдохнуло новую жизнь в устаревшее европейское искусство.

Это лишь одно свидетельство того, что картина Конрада о народе Конго представляется крайне недостаточной. Ограниченные путешественники могут рассказать нам немного, в основном только о себе; и даже те, кто не испытывает патологический страх перед чужими людьми, как Конрад, могут оказаться поразительно слепы.

Ачебе приводит еще один пример, немного отходя от темы своих рассуждений. Один из величайших путешественников всех времен Марко Поло в XIII веке отправился на Дальний Восток и провел 20 лет при дворе Хубилай-хана в Китае. По возвращении в Венецию он записал в своей книге «Описание мира» собственные впечатления о народах, местах и обычаях, которые он повидал. Ачебе нашел минимум 2 чрезвычайно важных упущения Поло. Первое: путешественник не упоминает о неизвестном тогда в Европе книгопечатании, которое активно использовалось в Китае того времени. Он либо не заметил его вообще, либо не смог понять, как это может быть использовано в Европе. Какова бы ни была причина, Европе пришлось ждать еще 100 лет до Гутенберга. Второе упущение Поло: отсутствие каких-либо упоминаний о Великой Китайской стене, которая составляла почти 4000 миль в длину и существовала уже более 1000 лет ко времени его путешествия. Опять же, он, возможно, не увидел ее. Но, подчеркивает Ачебе, Великая китайская стена – единственная созданная руками человека постройка, которая видна с луны! Действительно, делает вывод Ачебе, путешественники могут быть слепы.

Таким образом, резюмирует ученый, Конрад не смог создать образа истинной Африки. Это был и есть доминирующий в западном воображении и стереотипный образ Африки, и Конрад просто придал ему художественное оформление.

По некоторым причинам, считает Ачебе, которые необходимо психологически исследовать, Запад испытывает тревогу относительно неустойчивости своей цивилизации и нуждается в постоянном ее утверждении посредством сравнения с Африкой, чтобы Европа, развиваясь быстрее, могла периодически бросать взгляд на Африку, охваченную варварством.

Ачебе использует интересную метафору: Африка противопоставляется Европе, как портрет Дориану Грею, на котором отражаются его физические и моральные уродства, чтобы он мог идти вперед, не отягощенный ими.

Приступая к этой теме, Ачебе изначально планировал завершить ее на оптимистической ноте. Он предполагал, что в африканской культуре есть определенные преимущества, которые Запад мог бы позаимствовать, как только он избавит свой разум от старых предрассудков и станет смотреть на Африку не сквозь дымку искажений и дешевой мистификации, а просто как на континент людей, часто высоко одаренных и поразительно успешных в своей жизни.

Однако, чем больше Ачебе думал о стереотипном образе Африки, о его распространенности, о преднамеренном упорстве, с которым Запад держит этот образ в своем сердце; чем больше Ачебе думал о телевидении, кино и газетах, о книгах, прочитанных в школе и вне школы, о церквях, проповедующих пустые сказки о необходимости направить помощь язычникам Африки, он все яснее понимал, что он не чувствует этого оптимизма. И есть что-то совершенно неправильное в том, чтобы предлагать, образно говоря, взятки Западу в обмен на хорошее мнение об Африке. В конечном счете, отказ от нездоровых мыслей должен быть единственной наградой.

Хотя Ачебе использовал слово «умышленный», чтобы охарактеризовать взгляд Запада на Африку, он допускает, что такое отношение может быть больше схоже с рефлекторным действием, чем со злобой. Но это не смягчает картину.

Эту свою мысль он демонстрирует следующим примером: одна газета опубликовала статью о серьезных психологических проблемах и проблемах обучения, с которыми сталкиваются маленькие дети, говорящие дома на одном языке, а в школе – на другом. В исследовании участвовали испаноязычные дети США, дети итальянских рабочих-мигрантов в Германии, четырехязычный феномен в Малайзии и так далее. Результат, пишет Ачебе, был неожиданным, он цитирует: «В Лондоне существует огромная иммиграция детей, которые говорят на индийских или нигерийских диалектах, или на каком-то другом родном языке».

Ачебе считает, что использование автором статьи слова «диалекты» вместо слова «языки» ошибочно и является почти рефлекторным действием, вызванным инстинктивным желанием автора понизить дискуссию до привычно сниженного уровня Африки и Индии: «язык» слишком велик для этих парней; давайте дадим им «диалекты». Подобная практика приводит к искажению слов и их значений. При этом, подчеркивает Ачебе, единственным родным языком в Лондоне является именно диалект – Cockney English.

Тем не менее, Чинуа Ачебе выражает неугасимую надежду, что «именно сейчас пришло время для изменений» (напомню, что это эссе Чинуа Ачебе было опубликовано в 1974 году).

Следующая лекция будет посвящена сопоставительному анализу Сильвии Хеннеберг стихотворений «Бразилия» Элизабет Бишоп и «Создание религиозной общины в Бразилии» Макса Жакоба.

Вопросы для закрепления темы:

1. На чем основывается мнение Ачебе о расизме Конрада?
2. Почему Ачебе считает, что произведения, подобные повести «Сердце тьмы», должны быть подвергнуты критическому анализу и не должны включаться в образовательную программу?

Литература:

1. Джозеф Конрад. Сердце тьмы. – СПб.: Азбука-Классика, 1999.
2. Achebe Chinua. An Image of Africa. – The Chancellor's Lecture Series, 1974-5. – The Massachusetts Review, 1976. – P. 782-794.
3. Guerard J. Albert. Introduction to Heart of Darkness. – New York: New American Library, 1950. – P. 9.
4. Raskin Jonah. The Mythology of Imperialism. – New York: Random House, 1971. – P. 143.
5. Willett Frank. African Art. – New York: Praeger, 1971.